

Сергей Шаповалов

**Император. Книга
третья. Суворов**



ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-311.6
ББК 84(2)6
Ш24

Шаповалов С. А.

Император. Книга третья. Суворов / Шаповалов С. А. —
Москва: ЛитРес: Самиздат, 2021. — 101 с.

ISBN 978-5-532-93118-3

Третья часть романа "Император" рассказывает о героической Швейцарском походе русской армии, возглавляемой непобедимым Александром Суворовым. Это одна из самых славных страниц в истории России.

ISBN 978-5-532-93118-3

© Шаповалов С. А., текст, 2020
© Omiko Trading LTD., оформление, 2021

Содержание

В армии Суворова	4
На Сен-Готард	34
Через Росшток	56
Прорыв	69
В Линдау	87
В Россию	95

В армии Суворова

Морем я прибыл в Генуе. Город оказался в осаде. Французы оборонялись. Английские корабли блокировали порт. С суши Генуе осаждали австрийцы: корпус генерал-майора фон Кленау. Пришлось сходить на берег в предместье, в нескольких милях от города.

В одной из захолустных харчевен с традиционной итальянской стряпней, где я решил перекусить, ко мне подсел французский офицер. Странно, но здесь в предместьях Генуе о войне, как будто забыли. Австрийские патрули, французские офицеры, отпущенные из плена под честное слов, итальянские повстанцы кардинала Руффо, русские фуражные команды – все как-то мирно уживалось.

Французский офицер, ужасно обрадовался нашей встрече. Молодой, цветущий, он был высокий, почти с меня ростом. И возраста примерно мы били одного: ему на вид едва исполнилось восемнадцать. Исхудавший от полученного ранения, с бледным скуластым лицом, на котором едва пробивались тонкой полоской усы, он больше походил на уставшего студента, нежели на боевого офицера.

После взаимного приветствия и каких-то ничего не значащих фраз о погоде и цене на местное вино, я, наконец вспомнил, где мы с ним встречались. На Корфу. Я спас ему жизнь, когда во время штурма острова Видо албанцы резали головы пленным, чтобы получить у Али-паши за каждую такую отрезанную голову звонкую монету. Арнаут уже занёс ятаган над раненым французом, когда я потребовал отдать пленного мне. Арнаут стал возмущаться. Но я предложил ему золотой червонец, приправив угрозой, что лично знаю Али-пашу. Албанец нехотя отпустил несчастного. Звали француза Жаном. Он происходил из бедных нормандских дворян. Его отец и старшие братья примкнули к революционной армии ещё вначале пламенных событий начала девяностых. Он последовал за ними. Сразу же попал служить на Корфу.

После освобождения из плена Жан пытался добраться до Франции, но его перехватил французский патруль. Он долго просидел под арестом. Ему пытались пришить обвинение в дезертирстве. В

конце концов, предоставили выбор: расстрел или вновь под ружьё. Естественно – он выбрал второе. Тут же был направлен в армию Моро, где участвовал в битве при Нови, и мог погибнуть несколько раз. После разгрома, Жан, действительно, дезертировал и больше не желала участвовать в войне. Домой и только – домой, решил он. К свиньям, к гусям, к книгам. Быть может, возобновить учёбу в Сорбонне. Жениться на какой-нибудь провинциальной девушке из благородной семьи. Нарожать детей. Торговать сыром, вином, маслом.... Что угодно, но больше не ввязываться в кровавые авантюры.

На вопрос, что я здесь делю, поведал в свою очередь, что хочу попасть в армию Суворова.

– Суворов! – восторженно воскликнул он, но тут же перешёл почти на шёпот. – Вся Европа только и говорит о Суворове. Пред ним померкла слава Ганнибала и Македонского. Вы же слышали, что случилось под Нови?

– Нет, пока ещё не успел.

– Французская армия разгромлена. Потери – больше двадцати тысяч солдат и офицеров, вся артиллерия, половина знамён. Маршал Жубер убит. Моро еле успел привести жалкие остатки войск в Генуе. Дорога на Леон открыта. Все в отчаянии. Суворову никто не может противостоять. Если он двинется к Парижу – Франция обречена.

– Расскажите подробнее, что случилось под Нови? – попросил я.

– Что случилось? – хмыкнул Жан и помрачнел. По его бледной щеке скатилась слеза. – Я никогда не забуду того ужас. Поздно кого-то обвинять в нашем поражении. Мы были разбиты... Раздавлены... Сметены... А после позорно бежали... Под Нови должна была окончательно решиться судьба Италии. Если союзную армию России и Австрии нам удалось бы сдержать, подошло бы подкрепление из Швейцарии, и мы бы перешли в решительное наступление. Но союзной армией командовал Суворов. Я слышал, что он ещё никогда не проигрывал сражений.

– Да, это правда, – подтвердил я.

– Суворов против Жубера! Русский булатный палаш против эльзаски тонкой шпаги. Закалённый в боях старый полководец с холодной головой против молодого горячего маршала.

– Маршал Жубер молод? – переспросил я.

– Ему ещё не исполнилось тридцати. У него прекрасное образование. Он умен, отважен и рассудителен. Недаром во время революции Жубер сделал головокружительную карьеру. В двадцать два он вступил в национальную гвардию рядовым, а через два года получает лейтенанта. Через три года, проявив отвагу и умение на поле боя, он возведён в бригадные генералы, затем в звание дивизионного генерала. Несколько раз ранен. Он всегда на поле боя действовал смело. Кидался в самое пекло. Плевал смерти в лицо. Его два раза брали в плен, потому что он не желал отступить. Считал отступление – позором.

– Почему Моро сместили и поставил Жубера?

– Моро неудачно вёл компанию против Суворова. Поражение следовало одно за другим. На Жубера Франция возлагала большие надежды. Командующий прибыл только что из-под венца, представляете? Примчался, пообещав молодой супруге и всей Франции громкие победы. Положение нашей армии было превосходное. Мы занимали высоты у Нови. Фланги прикрывали реки: с одной стороны Орба, с другой – Скрива. Артиллерия в готовности. Солдаты полны отваги. Сумки набиты картежами. Союзная армия располагалась невыгодно в долине. Вся диспозиция в нашу пользу. Безумие – штурмовать укреплённые высоты. Но почему-то Жубер спасовал перед Суворовым. Почему-то он надеялся, что Суворов отступит. Генералы на военном совете так толком ничего и не решили. Моро, уловив настроение Жубера, его страх перед непобедимым старцем, предложил отступить и дожидаться подхода альпийской армии. Разумно, согласитесь. У нас, в таком случае, мог быть двойной перевес в силе. Жубер отклонил его предложение. Отступить – не в его правилах. Пусть противник отступает, – был ответ маршала. Командующий обещал сам все обдумать и прислать диспозицию по войскам. Но так и не прислал.

– Как он погиб?

– В первой же атаке. Австрийцы с рассветом двинулись на наш левый фланг. Завязался тяжёлый бой. Жубер велел подать коня и, как обычно, бросился в самое жаркое место схватки, чтобы поддержать

своим примером солдат. Был тут же убит. Его гибель решили скрыть от армии. Командование вновь принял на себя Моро.

– Как дальше протекало сражение?

– Мы удачно отбили несколько мощных атак. Русские лезли по склону с бесстрашным упорством. Я лично видел, как в гренадёра, атаковавшего нашу позицию, попало несколько пуль. Его мундир намок от крови, но он не падал. Он упрямо поднимался по склону, выставив перед собой ружье со штыком. Свалился замертво только после того, как ворвался на батарею и заколол фейерверкщика. Вы не представляете, Семён, какой там творился кошмар. Казаки! Это сущие дьяволы. Их пули не берут. А саблями как они орудуют! Рубят наотмашь, резко. Головы сносят враз. И никогда не знаешь, откуда они появятся. Налетают на батарею, изрубят прислугу и тут же исчезают. Но мы все же выстояли до полудня. Бой затих. Прошёл слух, что противник готовит отступление. Мы возликовали, обнимались, поздравляли друг друга с победой... Однако один старый солдат сказал: «Чему радуетесь? Суворов никогда не отступает. Мы отбили штурм, это русских только разозлит, но не испугает». Он был прав. К вечеру вся союзная армия вновь двинулась в атаку. Наши пушки не успевали остывать. Весь склон покрылся убитыми и ранеными, но атака продолжалась. Первым не выдержал правый фланг. Поляки никогда не отличались мужеством и стойкостью. Корпус Домбровского были опрокинут. Хвалёные рыцари бежали, сверкая пятками. Затем цизальпийский легион оставил позиции и удирал, не выдержав штыковой атаки. А потом и все остальные запаниковали. Мы сбились в кучу. На нас напали казаки и австрийские драгуны. Началось самое ужасное – бегство с избиением. Если союзная армия понесла большие потери при штурме, то мы потеряли тысячи человек в этом бесславном отступлении. Вы не представляете, какой испытываешь страх, когда ты бежишь, и затылком чувствуешь, как над тобой заносят палаш... И сделать ничего не можешь. И не защититься никак...

– Но вы каким-то образом уцелели?

– Чудом. Даже не верится до сих пор. Наверное, Мадонна спасла. На нас налетели казаки. Меня сбили с ног. Я полетел в при-

дорожную канаву. Сверху свалилось несколько убитых. Я едва мог дышать. Вы не вообразите, какой я пережил ужас! Лежал, приваленный телами. На меня стекла чужая кровь. Я оставался в таком положении до темноты, вдыхая трупный смрад и слушая стоны раненых. Я чуть не сошёл с ума. В сумерках, мне удалось выбраться из-под завала мёртвых тел. Где ползком, где по оврагам я добрался до Нови. Один сочувствующий горожанин укрыл меня в своём доме. Пришлось неделю сидеть в подвале. Потом, переодевшись ремесленником, покинул город и направился к Генуе. А здесь, в этом славном городке, где мы с вами обедаем, я узнал, что всех пленённых французов заставляют подписывать договор, что они не будут воевать против Австрии три года, и отпускают на все четыре стороны. Я вновь надел свой мундир, явился в комендатуру, рассказал о себе и подписал все бумаги. Вот!

Он извлёк из кармана камзола сложенный вчетверо листок. Развернул его и показал подпись австрийского коменданта.

– После всего пережитого, я, точно, больше не возьму в руки ружье. С меня – достаточно! Столько смертей! Столько крови! Столько страха! Мне на всю жизнь хватит.

Я ему посочувствовал. Дал на дорогу несколько серебряных монет, за что он сердечно меня поблагодарил.

В это время в харчевню с важным видом вошли австрийские офицеры из интендантской службы. Все в новеньких мундирах с начищенными пуговицами. Заказали пиво. Следом ворвались венгерские гусары, громко разговаривая и смеясь. Они были в пыли. Принесли с собой едкий запах лошадиного пота и пороха. Офицеры интендантской службы поглядывали на них с презрением. Холодно ответили на приветствие и отвернулись. Один из гусар высыпал на стойку горсть монет и потребовал:

– Всем посетителя – вина! Выпьем за Суворова!

– За Суворова! – гаркнули его товарищи, словно ринулись в атаку. Нам на стол тут же поставили два бокала.

– Господа, встаньте и выпейте за Суворова, – настойчиво шепнул хозяин.

Мы с Жаном поднялись, поприветствовали гусар.

Но один из офицеров интендантской службы назидательно произнёс:

– Сперва надо поднимать бокалы за эрцгерцога Карла, а потом за Суворова.

– Нет уж! – грубо оборвал его старый гусар с седыми вислыми усами. – Я под началом Суворова ещё с османами воевал. И сейчас, если бы он не возглавил нашу армию – не видать нам Италии. А что смог сделать эрцгерцог? Только бегал от французов, как заяц.

– Как вы смеете! – возмутились офицеры интендантской службы. – Бунтари!

– Тыловые кролики! Вон, как разрядились. В штыковую бы вас, на батареи! – закричали гусары.

Заскрежетали клинки, выскакивая из ножен. Хозяин уронил поднос с тарелками и выбежал на улицу. Немногочисленные посетители повскакивали с мест и жались к стенам. Сейчас могло случиться бессмысленное кровопролитие. Я бросился между спорщиками.

– Господа, не безумствуйте! – умолял я.

– Вам ещё что надо? – крикнул мне старый гусар. – Вы кто такой, чтобы вмешиваться в наш спор.

Со всех сторон на меня смотрели отточенные острия клинков.

– Я – русский офицер. И могу вас заверить: Суворову, а тем более эрцгерцогу Карлу не понравилось бы то, что здесь происходит.

– Не влезайте не в своё дело, – настойчиво посоветовал офицер интендантской службы.

– Зря вы все это затеяли, господа.

В углу, до сих пор не примеченный никем, сидел генерал в русском мундире и завтракал копчёными сосисками. Он встал, надел шляпу. Генерал был молод, высок, с гордой осанкой. Движения элегантные, мягкие. Лицо открытое, красивое с живыми темными глазами.

– Опустите оружие. Я вам приказываю! – сказал он властно. Австрийцы тут же подчинились. Гусары недовольно пробурчали что-то на венгерском, но тоже убрали сабли. – Какой позор, господа! Перебейте ещё друг друга. За Суворова не пить надо, а молиться! А вы тут устроили...

Он бросил на стойку несколько монет и, ни на кого не глядя, вышел из кабака. Я последовал за ним.

– Позвольте представиться, – сказал я, догоняя генерала.

– Вы русский? Откуда? Почему в прусском мундире? – не оставиваясь, спросил он, едва взглянув в мою сторону.

– Лейтенант Добров, – представился я. – Мундир по новому уставу, гвардейский, Семёновского полка.

– А, вот какие нынче по уставу положено носить, – слегка насмешливо произнёс он. – Так вы из Петербурга?

– Нет. Только что с эскадры.

Генерал резко остановился, повернулся на каблуках. Пристально посмотрел мне в глаза.

– От Ушакова?

– Так точно! Направлен с приказом в армию Суворова.

Лицо генерала просияло.

– От самого Фёдора Фёдоровича? – обрадовался он. Быстро протянул мне руку. – Милорадович, Михаил Андреевич.

Я был чрезвычайно удивлён и обрадован. Тот самый генерал Милорадович, который идёт в атаку впереди полка в полный рост, не страшась ни пуль, ни штыков. Генерал-майор и шеф Апшеронского мушкетёрского полка. Герой сражения при Лекко. Через полчаса мы уже ехали в его открытой коляске.

– Рундук у вас знатный. – Милорадович с любопытством оглядел мой деревянный морской сундучок с медной оковкой. – На флоте у всех такие?

– Обязаны быть у каждого. Закрывается плотно, чтобы внутрь вода не попала. Бывает такое: волна прокатится по палубе – и все в каютах плавают.

– А что это за ящичек, такой элегантный?

– Пара пистолетов. – Я открыл ящик и показал подарок Али-паши.

– Ого! Целое сокровище! – присвистнул он. – Откуда такая роскошь?

Я кратко рассказал ему о наших визитах с лейтенантом Метаксой к эмирскому деспоту.